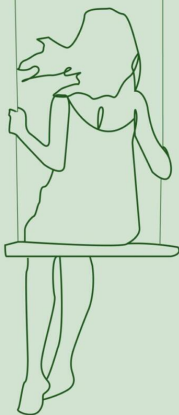

СЕРГЕЙ ДАНИЛОВ

РАДУГА ЯРКИХ
ПРОКАЗ

СТИХИ

Сергей Данилов
Радуга ярких проказ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68815929

SelfPub; 2023

Аннотация

Лирический взор на прожитые годы, желание блистательного реванша, поэтические оценки пройденного пути, дерзкие планы на будущее и яркие путевые зарисовки.

Содержание

Сиротливый маргинал	9
Уставшая весна	9
В сиротливом замке	11
Градус жизни	13
Ожидание фурора	14
Пень и клён	15
Когти обид	16
Озеро печали	17
Любовная пицца	19
Сорвать чеку	20
Эхо подворотни	21
Добрая сила	22
На чердаке	23
Лживый кудесник	24
Светлый след	25
Лучшая из муз	26
Неспортивный выходной	27
Невозвратный кредит	29
Чужая неудача	31
Хризолиты чудных сантиментов	33
Опытный боец	33
Заботливый рассвет	34
Журчание весны	35

Московский свет	36
Аудит любви	38
Редкий дар	39
Ветеран любовных войн	40
Сберкнижка любви	41
Уснувшая совесть	42
Памятник поэту	44
Искренние объятия	45
Восьмое марта	46
Игривый ветер	47
Небесная печать	48
Королевы и простушки	49
Насыщение любовью	50
Жениться на немой	51
Косынка	52
Зимний разбег	54
Фиаско	55
Мой хлороформ	56
Постель сладостных мечтаний	58
Снежинки и улыбки	58
Котёл абсурда	59
Люди и толпа	60
Пацифистское	61
Батальная сцена	63
Эстафета	64
Что слетает с языка	65

Дупло воспоминаний	67
Тяжёлая болезнь	69
Глаз алкоголя	70
Твой выбор	71
Бутон души	73
Терпеливый ростовщик	75
Подобие эфира	77
Порочные капризы	78
Без сомнений	79
Мещане	81
Затёртая пастораль	83
Травник	84
Стратостат вольных дум	85
Ликёр	85
Заброшенная дача	86
Мебельные мечты	88
Новостная диета	90
На французский манер	92
Исчезнувшие профессии	93
На тормозах	94
Вера в чудеса	95
Заговор рвачей	96
Шальная пуля любви	97
О России	98
Дерзость и толпа	99
Любовь по доверенности	100

Рать всепрощения	102
Апрельское похолодание	103
О свиньях	104
Пустота и виват	105
Запчасти былой любви	106
Безумцы	106
Спальня	107
Река полночных дум	108
На дыбе наслаждений	109
Я живой	111
Неуставной день	112
Без иллюзий	113
Простой	115
Сентиментальный охламон	117
Счастливая косточка	119
Внутренний голос	120
Шестидесятилетие	123
Пуля измены	125
Двойное назначение	126
Мишура красивой лжи	127
Семейный тандем	127
Вода монологов	128
Детский мат	130
Ярый озорник	133
Любовный коктейль	134
Безнадежье	135

Сладкая власть	136
Карнавал жизни	137
Ядовитый май	139
Губы	140
В торосах постели	141
Погрузневший адмирал	142
В чужом саду	143
Влюбчивый	144
Балагур	146
Пожарник	148
Признанный гений	150
Самосожжение	152
Игра в правду	153
Значимая величина	154
Предвкушение	156
Каталог виртуальных достижений	157
Восточная ночь	157
Фотошоп для судьбы	158
Беспощадный приговор	160
Белая вспышка	161
Под луной	162
Море-небо	163
Фотоальбом	164
Хлопочущий рэп	166
Семейный архив	167
Спор с альтер эго	170

Сергей Данилов

Радуга ярких проказ

Сиротливый маргинал

Уставшая весна

В облаках плыла луна —
В пятнах, блюдцем недомытым.
На дворе спала весна
С видом крайне деловитым.

Завершался зимний век,
Было ей не до бирюлек —
Растопила липкий снег,
Понавешала сосулек,

Проследила, чтоб метель
Не гудела вечерами,
Днём устроила капель,
Куролесила с кустами,

Приготовила наряд —
Яркий, как само веселье.

Воздух плыл, теплом богат,
Нёс душистое похмелье.

Наработалась она,
Разрумянилась, устала,
От забот слегка пьяна,
Под сугробом задремала.

В сиротливом замке

Врать неприятней и трудней,
Приспособляться нестерпимо...
Да, мне хотелось стать взрослей.
Но не стареть непоправимо!

С солидностью пропал азарт,
Пришли неожиданные болячки.
Сданы желания в ломбард
В объятьях беспробудной спячки.

Наверно, я не тот запрос
Послал на небеса случайно —
Возник нелепый перекося,
Жизнь изменилась кардинально.

Просил достатка я не раз,
И получил – не голодаю,
Но без изысканных проказ
Промокшей ватой прозябаю.

Богатство счастья не влечёт,
Не добавляет оптимизма.
Довлеет нудный бухучёт.
В загоне яркая харизма.

Я был неправ, осознаю:
Молил о благе и доходах,
А оказался на краю,
Увяз в обыденных невзгодах.

Отбил желанье у друзей
Встречаться за бокалом пива,
Считал, что лучше стал, святей,
Взлетел над жизнью суетливой.

Высокомерьем сёк подруг —
Наивных, преданных, влюблённых.
Опустошил симпатий круг,
Отверг однажды соблазнённых.

Презрел наличие родни
В провинции полуголодной...
Задул доверия огни
Пустой гордыней сумасбродной!

Мне предстоит скупой финал —
Жизнь в одиночестве тоскливом.
Я – стопроцентный маргинал,
Корпящий в замке сиротливом.

Градус жизни

Чтоб не падал градус жизни,
Не скрипели тормоза,
Были дамы некапризны,
Свято чтимы образа,

Чётко помнилось былое
И хотелось преуспеть,
Не терзало прожитое,
Привлекала звоном медь,

Не пугали расстоянья,
Разносольные пиры,
Посещали покаянья,
Были искренни дары —

Я готов пойти на курсы,
Сесть за парту в сотый раз,
Наполнять души ресурсы
Яркой радугой проказ!

Ожидание фурора

Я недавно на досуге —
Между делом, просто так —
Предложил своей супруге,
Выпив афродизиак,

Поразвлекся на просторе
Средь крахмальных простыней,
Не заботясь о декоре,
Отключив в углу дисплей.

Благоверная сказала:
На работе, мол, аврал.
Нежно раз поцеловала,
Чтоб развеялся скандал,

Унеслась стрелой в контору
Из постели впопыхах...
Трепещу и жду фурора —
Две соседки на сносях.

Пень и клён

Пень стоит в лесу монахом,
Аскетичен, молчалив,
Паукам и местным птахам
Плешь сухую предложив.

Околдован тишиною,
Прячет ноги в мягкий мох.
А над ним пестрит листвою
Клён – курчавый скоморох.

Когти обид

Когтями обид ты карябаешь спину любви.
Уйми легионы претензий, взметни белый флаг,
Фаланги колючих укоров назад отзови.
Бесплодны сарказмы запальчивых, злобных атак.

Не рви обвиненьями грудь пылкой страсти моей.
Нет блеска победы средь желчи отточенных пик.
Ты можешь достигнуть успеха гораздо быстрее,
Сменив на бенгальский огонь хладнокровный ледник.

Озеро печали

Я по озеру печали
В утлой лодочке плыву.
В молоке туманном дали.
Ожидает рандеву

С прошлым – светлым, безмятежным,
С тихой радостью в глазах,
Милым обликом безгрешным,
Спальней в старых образах.

Малолетка полуголый,
Рядом бабушка и дед.
Внук их радужно-весёлый —
Шалопай и домосед.

В куче кубики, машинки,
Старый плюшевый медведь,
Граммфонные пластинки,
Пятаков блестящих медь.

Предлагает дед мне пива,
Ропщет бабушка: «Ты что?!»
Но спокойна, незлобива,
Хоть судьба, как решето.

Детства давнего картинки
Проплывают чередой:
С другом Петькой поединки,
Пруд с коричневой водой...

Хлещут волны ностальгии.
Замер в лодке пнём седым,
Вновь припомнив дни былые
На свиданье с прожитым.

Любовная пицца

Солнце красным помидором
Завершает дня салат.
В небе розовым фарфором
Облака гуськом спешат.

Белый снег – как моцарелла.
Ель – зелёный базилик.
Я тебе любовь согрела.
Ешь, мой нежный озорник.

Сорвать чеку

Титаником на айсберг мчится
Под снос идущий старый дом.
Ему былое в грёзах мнится,
Когда он вырос за мостом

Изящной каменной постройкой,
Имел свой двор, цветистый сад,
Не знал про гласность с перестройкой,
Про смрад гудящих автострад.

Теперь вокруг царят титаны.
Они уходят в облака.
Растут, плодятся истуканы.
Мутна от мусора река.

Глухи колоссы из бетона —
Фрамуг, балконов, лоджий нет.
Громад вокруг полмиллиона,
Они вошли в авторитет.

Уже подогнаны машины,
Бульдозер с краном начеку...
Он хочет сам, назло махинам,
Взорвать себя, сорвав чеку.

Эхо подворотни

Звонящим эхом подворотни
В дорогу провожает дом.
Пусть расставаний будут сотни —
Случатся сотни встреч потом.

Знакомые колонны, арка,
Щербатый у земли кирпич,
В потёках ржавых иномарка
И ощущение: я – москвич.

Пути ведут по всей России,
От белоснежья до песков.
Но возвращает ностальгия
В страну шипучки и ларьков.

Добрая сила

Я насилье доброй силой
Постараюсь одолеть,
Справлюсь с бешеным верзилой —
Не глумиться хаму впредь.

Стану хлёстко бить глаголом,
Всепрощение явлю,
Буду мудрым богомоллом...
А не внемлет – пристрелю.

На чердаке

Щекой касаюсь паутины
Я у себя на чердаке.
Здесь дремлет мебель, спят гардины,
Утиль томится в рюкзаке,

Лежат потрёпанные книги,
Рисунки, рваные холсты,
Висят эспандеры-вериги,
Пугают спицами зонты.

Над стопкой досок и фанеры
Свисают дрябло провода,
Без лампочек грустят торшеры,
В углу ржавеют обода.

Мир пахнет плесенью и тленом,
Клубится серой пыли слой.
А я, назло всем гигиенам,
Дневник ласкаю первый свой.

Лживый кудесник

Я – лживый кудесник, безумный старик,
Легко извращаю известные факты,
Начитан, уверен в себе и двулик,
Имею странички в Ютьюб и Вконтакте.

Слагаю сонеты о чистой любви,
Безумных попойках и грязном разврате.
Сегодня вещаю: «Побольше урви!» —
Назавтра талдычу, мол, счастье не в злате.

Способен о страсти жалеть неземной,
Расплакаться в рифмах о скором разрыве,
Но вскоре, прожжённый, заядлый плейбой, —
Забыть о прорвавшемся с болью нарыве.

Готов воспевать многодетность и брак,
Потом восхвалять адюльтер и пороки.
Весной прославляю соседний кабак,
Зимою грущу, что друзья одиноки.

С похмелья пишу назидательный бред,
Влюбившись, жасмином в стихах расцветаю.
Петляет предательски лёгкий мой след.
Я в рифмах парю и в вине утопаю.

Светлый след

Я смерти не боюсь, поскольку жизнь страшнее
Являет мне порой звериный хищный лик.
Рекой спешат года. Круглей, не веселее
Спокойно становлюсь, непуганый старик.

Я много повидал: коварный яд измены,
Предательства кинжал, родителей уход.
Изведал, как гниют в подвалах рекордсмены,
Цепляется за власть отъявленный урод.

Возможно, ждёт покой, а может, жар геенны —
Противиться смешно, в прогнозах смысла нет.
Уйти, чтоб капли слёз блестели откровенно,
В одной родной душе оставив светлый след.

Лучшая из муз

Ты с мистикой не балуй,
С астралом не шути,
Быстрее ко мне пожалуй,
Чтоб слились два пути.

Предсказывать нет прока,
Ведь суженый я твой.
Известие сорока
Мне принесла весной.

Гадания напрасны,
Я – твой король и туз.
Хоть грешницы прекрасны,
Ты – лучшая из муз.

Неспортивный выходной

Не трогал сегодня я гири —
Позволил себе выходной.
Провёл его скромно в трактире
И вес взял совсем небольшой:

Шесть кружек янтарного пива,
Креветки, орешки, балык,
Солянку как часть лейтмотива,
С картошкой нежный шашлык.

Ещё восемь пенных бокалов
И кольца кальмаров под них.
Шампуры таскали с мангалов
С улыбками пять поварих.

Воздвигнулся штоф запотелый,
Приятно пузатя бока.
Я был возбуждённый и смелый,
А водка приятно мягка.

Меня продавщица текилы
Пленила. Проснулся плейбой.
Размялся я с нею вполсилы.
Ушла она с тарой пустой.

Затем пелена и забвенье,
Скрежещущий, режущий звук,
Кошмарной мигрени явленье
И сердца натруженный стук.

Долой отпуска, выходные!
Бегом за здоровьем в спортзал,
Поскольку веселья хмельные
Надолго уносят в астрал.

Невозвратный кредит

Суета, как на базаре, —
Торг идёт и дым стоит,
Спор с супругою в разгаре,
Неприятностью грозит.

Кто что моет и стирает?
Убирает в доме кто?
Кто продукты закупает,
Водит дочку в шапито?

Пять часов вели беседу,
Повышая резко тон,
Утром начали, к обеду
Завершили марафон.

Закупили мы стиралку,
Новый робот-пылесос,
Восьмилетку-иномарку,
На обмывку – кальвадос.

Да, ещё посудомойку,
Мультиварку, самокат,
Фен, отпариватель, плойку,
Телевизор, снежокат.

Всё оформили в рассрочку,
Подписали сто бумаг,
Напились, поставив точку,
В окруженье новых благ.

Суета, как на базаре, —
Торг идёт и дым стоит,
Спор с супругою в разгаре...
Кто вернёт теперь кредит?!

Чужая неудача

Досада раз меня взяла.
Болят чужая неудача.
Я раскалился добела,
Домой вернулся чуть не плача.

Шёл мальчик маленький в очках,
С разбитой линзой в оправе.
Глотал он слёзы впопыхах,
Синяк усиленно слюнявя.

Его обидела шпана,
А может, плюхнулся случайно,
Но натерпелся он сполна,
Расстроен был необычайно.

В глазах обида и испуг,
Взъерошена от страха стрижка,
Сердечный частый слышен стук,
В руке потрёпанная книжка.

Ждал дома строгий разговор,
Допрос сердитый: «Что случилось?»
Возможно, жёсткий приговор:
«Опять разбил, скажи на милость!»

Я молча мимо прошагал,
Не расспросил его любовно,
А он ждал помощи, страдал,
Дышал прерывисто, неровно.

Безмерно зол я на себя,
Моё бездушие – неудача.
Он шёл, страницы теребя,
Беду от встречного не пряча.

Хризолиты чудных сантиментов

Опытный боец

Я в тире всех зверей побил:
Лосей, медведей, кабанов,
Полдня без промаха палил
В слонов, верблюдов и ослов.

Мной восхищалась детвора,
И продавец доволен был,
А я подобием ядра
Летел домой что было сил.

Рука крепка, намётан глаз:
Хотел – как опытный боец —
Я тараканам в этот раз
Устроить бойню наконец!

Заботливый рассвет

Вином залил я скатерть дня
И ранних сумерек салфетки,
Тянулась вяло ночь, бубня,
Седой рассвет принёс таблетки.

Как добрый доктор, сел на стул,
Свет солнца скрыв за облаками,
Холодным воздухом пахнул,
Пожал туманными плечами.

Он не ругался, не корил,
Гнал прочь тяжёлое похмелье,
Заботливо мне подарил
Из аспирина ожерелье.

Журчание весны

Из снега дружеские ноги
Торчали валенками вверх —
Товарищ мой увяз в сугробе,
Во мне родив невольный смех.

Февраль мёл яростно метлою,
Я слеп от ветра, белизны.
Он наслаждался тишиною
И ждал журчание весны.

Московский свет

В московских окнах негасимый свет,
Но москвичей давно в квартирах нет.
Сограждане со всей большой России
Приехали сюда с периферии.

В однушках гастарбайтеры живут,
Доступен им сомнительный уют.
Они снуют повсюду муравьями:
Клан нужно обеспечивать рублями.

В высотках сити иностранцев рать,
Приходится недвижимость снимать.
Съезжают бегло за город бабули,
Расценки на аренду так раздули.

Кто сколотил начальный капитал —
В столицу тоже мигом прибежал.
Чиновники, нефтяники, барыги,
Банкиры – не простые забулдыги

Заполнили престижные дома,
Употребив на пользу закрома.
Прельщает всех высокая культура
И разветвлённая инфраструктура.

В московских окнах меркнет вечный свет,
Ведь москвичей давно в квартирах нет.
Пируют новой жизни заправины.
Как мамонты, исчезли старожилы.

Аудит любви

Колёса диктуют посланья,
Призывно кричит тепловоз.
Расстались – адыю, до свиданья.
Дороги и чувств симбиоз.

Реборды скрипят, упираясь,
Вагонов течёт караван.
Сказали мы всё, расставаясь,
Чтоб выполнить нежности план.

Столбы, провода, мелколесье,
Полей бесконечных простор,
В седых облаках поднебесье.
Простых откровений затор.

Грусть мерно влачится по шпалам,
По рельсам тревожность скользит.
Внимаем дорожным сигналам.
Разлука – любви аудит.

Редкий дар

Мне назначили пенальти,
Несомненно, будут бить.
Торжествуйте, зубоскальте,
Но любовь не раздробить!

С ней останусь я навеки
И стерплю штрафной удар.
Раствориться в человеке —
Очень редкий ныне дар.

Ветеран любовных войн

Я – воин любовных ветеран,
Контуженный в баталии.
Способен написать роман
О битве при Наталии:

Как хороша была она,
Оборонялась грамотно,
Ночами страстна и нежна,
Днём колка и злопамятна.

Я вёл осадные бои
В алькове у Евгении.
Пестрели сладостные дни
В моральном разложении.

Летел на штурм на всех парах,
Чтоб овладеть Светланой,
Но был повязан в двух шагах
Солидную охраной.

Я проиграл на всех фронтах,
Грядёт капитуляция.
В плаксивых, жалобных стихах —
Смущенья симуляция.

Сберкнижка любви

Вклад открыв, на сберкнижку любви
Отнесу сокровенные чувства,
Потревожу богатства свои
И добавлю янтарь безрассудства,

Скань эмоций, алмазы страстей,
Лестный жемчуг взрывных комплиментов,
Бриллианты блестящих идей,
Хризолиты чудных сантиментов,

Серебро бесподобных речей,
Драгоценную верность и веру.
А проценты – безумность ночей
В обожании нежной Венеры.

Уснувшая совесть

Совесть спит, она устала.
У меня с ней уговор,
Чтоб пореже приставала,
Мой не множила позор.

Всё вокруг ни так ни этак.
В голове царит бардак.
Не мужчина, а котлета,
Подкаблучник и слабак.

Не перечу сослуживцам,
Даже если кто неправ,
Потакаю журналистам,
О проблемах растрепав,

Дочку балую и сына,
Наказать их не могу,
Зная вескую причину,
Не плюю в лицо врагу.

Не вступаю в спор с женою,
Хоть согласен мало с чем.
Примирение с виною —
Мой излюбленный тандем.

Постоянно вру, скрываю,
Что давно болит спина.
На компьютере играю
Вместо чтения допоздна.

Созвониться обещаю,
Но, забыв про телефон,
В размышлениях витаю,
Недотёпа, охламон.

Совесьть в сладостной дремоте...
Оглашаю приговор
И мечтаю о субботе,
Чрезвычайный прокурор.

Буду резать правду-матку,
Указания раздам,
Выдавая без устатку
Всем сестрицам по серьгам.

Памятник поэту

Положен памятник поэту.
Поэт – не просто человек,
Подобен в рифмах самоцвету,
А в построенье строф – стратег.

Он – мастер ярких аллегорий,
Садовник выстраданных строк,
Ваятель вычурных историй,
Непризнаваемый пророк.

Легко меняет возраст, маски,
В чужие мысли может влезть.
В его словах пылают краски,
Оттенков чувственных не счесть.

Всегда в обойме – откровенья.
Он может в небо воспарить.
Пройдя душевные мученья,
Одних спасти, других казнить.

Искренние объятия

Не улетай на юг ты птицей,
Почувствуй радости зимы,
Останься здесь императрицей
Во власти белой кутерьмы.

Высокий трон займи законно,
Расправь роскошный снежный шлейф,
Рисуй на окнах увлечённо,
Открой с мечтами старый сейф.

Звени сосульками хрустально,
Ломай сомнений хрупкий наст,
Танцуй с метелью театрально,
Пустых сомнений сбрось балласт.

Пурпурность щёк лелей прилежно,
С морозом инеем блесни.
Ко мне припав тепло и нежно,
В объятиях искренних усни.

Восьмое марта

Сломала ноготь, сдохла рыбка,
С дежурства в хлам припёрся муж.
Жизнь оказалась в праздник зыбка —
Повсюду будничность и чушь.

Пусты с подругой разговоры,
Зажал подарок жадный босс,
Фон новостной про форс-мажоры,
О том, как мир идёт вразнос.

Макну в аквариум супруга,
Чтоб Женский день он не проспал.
Пусть оклемается пьянчуга:
Вселенский ждёт его скандал!

Игривый ветер

Игривый ветерок весенний
Гулял по женственным плечам,
Ласкал округлости коленей
И припадал к её следам.

Спешил за нею в переулках,
Взлетал ретиво на этаж,
Шуршал листвою на прогулках,
Сопровождал на вернисаж.

Шептал на ухо откровенья,
В причёске весело шалил,
Дарил простые ощущения
И благоденствие сулил.

Небесная печать

Плыла Луна над тёмным морем,
Как будто в Масленицу блин.
Лик нависал над междугорьем
Средь облаков – седых гардин.

Прибой баюкал монотонно,
Даруя плеском благодать.
Рябил на волнах диск лимонно —
В воде небесная печать.

Королевы и простушки

Опасаясь я женщин пикантных
С блеском огненным ласковых глаз.
Обхожу стороной импозантных —
Обжигался с такими не раз.

Королевы в постели прелестны,
Только едких претензий не счесть.
В отношениях порою бесчестны,
Обожают бесстыдную лесть.

Шаг один от любви до скандала,
Непомерный апломб – их конёк.
Штиль – предвестье девятого вала.
От таких я бежал наутёк.

А простушки милы и доступны,
Им чужда горделивая спесь.
Дружелюбны, в делах неподкупны,
В них тепла и покорности смесь.

Пусть не блещут они красотой,
Не присущ им шаблонный гламур,
Но зато отдаются с душою.
Нет меж ними напыщенных дур!

Насыщение любовью

Я не зову тебя к столу,
Давай насытимся любовью:
Вкусив объятий пастилу,
Прильнём в постели к изголовью.

Я обовью твой стройный стан,
Ты изогнёшься гибким луком.
Взметнётся тонких ласк фонтан,
Взойдут желания бамбуком.

Сначала пара тихих слов,
Неторопливость раздеванья.
Потом со сладостями плов —
Минуты нежного лобзанья.

Тепло души, огонь речей —
Вот основное блюдо страсти.
Признанья пряней и острей.
Десерт – изысканные сласти

Из поцелуев сочных губ,
Ресниц пушистых трепетанья.
Долой обыденности суп,
Нас ждёт пикантная лазанья!

Жениться на немой

Ты прекословишь раздражённо,
Недобро мечутся глаза,
Транжиришь фразы возбуждённо,
Сдают терпенья тормоза.

Яд обвинений всё зловонней,
Нападок переполнен пул,
Движения бесцеремонней,
Претензий буйствует разгул.

Я отбиваюсь безуспешно
И огрызаюсь невпопад,
Нелепо выгляжу, потешно
В кругу обрывочных тирад.

Я – бриг в штормящем океане,
Вокруг меня упрёков шквал,
Торчу в крикливом урагане,
Попал в визгливый сериал.

Жду, пересохнет в споре глотка,
Придёт желаемый покой.
Жизнь истину явила чётко —
Жениться нужно на немой.

Косынка

Нашёл в комодке я случайно
Твою косынку давних лет
И был взволнован чрезвычайно,
Поймав из прошлого привет.

Комочек мятый лёгкой ткани
В углу безмолвствовал в пыли.
Передо мной, как на экране,
Событья прежние цвели.

Мы в летнем поле, молодые,
Вокруг ромашки, васильки,
Ты прячешь кудри золотые
Шальному ветру вопреки...

А вот ты в ярком сарафане,
Твой облик дразнит взгляд мужской...
Вы с дочкой – смуглые «южане»,
С платком играет бриз морской...

Раздражена ты, молчалива,
Платок надвинут на глаза,
В преддверье ссоры рецидива
Скользит предательски слеза...

Безмолвье в комнате трагично,
Иссяк любви потенциал.
Косынку треплешь безразлично —
Окончен долгий сериал.

Зимний разбег

Корноухи глыбы фирна,
По оврагам – грузный снег.
У зимы дела обширны,
У неё широк разбег.

Покрывает лужи коркой —
Тонкой, хрупкой, как стекло,
Или, сделавшись танцоркой,
Кружится теплу назло.

Рассыпает утром иней,
Серебрит в ночи кусты,
Представляется богиней
В блеске льдистой красоты.

Из воды куёт сосульки,
Возвращает вновь мороз.
Поиграв с весной в бирюльки,
Кукиш ей суёт под нос.

Фиаско

Женатым был, но счастлив не был.
Ярем семейных уз тяжёл.
Оставшийся от брака пепел
Я по углам в сердцах размёл.

Был я влюблён, но не женился.
Завяла трепетная связь.
Роман в упрёках растворился.
Цветы признаний скрыла грязь.

Я покупал интим цинично,
Без обязательств и проблем.
Грешил бесстыдно, феерично
И содержал порой гарем.

В итоге – горькое фиаско,
Дней пустоцветных канитель.
Подёрнута осклизлой ряской
Мечтаний сладостных постель.

Мой хлороформ

Скандалы, взлёты, ураганы —
Столь нестабильна жизнь моя.
Плетут интриги интриганы,
Растёт обширная семья.

Я поднимаюсь смело в горы,
За пиком покоряю пик,
Потом, надев сомнений шоры,
Боюсь забраться на ледник.

Порой блефую изошрённо,
Свожу противников с ума,
Но верю в сказки увлечённо —
И вновь пуста моя сума.

Расчёт мешаю и наивность,
Сухие цифры и авось.
Во мне буянит креативность,
Маячит старческий склероз.

На кураже играю классно,
Оваций поднимаю шквал.
В раздрае выгляжу несчастно —
В отрепье, словно маргинал.

Готов помочь родне, коллегам,
Бездумной щедростью сорить,
Потом дрожать зимой над снегом,
В корысти мелкой всех винить.

Взлетаю ввысь на крыльях счастья,
Качусь на санках злобы вниз.
Исполнен должного участия,
Порой же правит мной каприз.

Сменяют ссоры примиренья,
То полный штиль, то бурный шторм.
Помощник в счастье и забвенье —
Сэр алкоголь, мой хлороформ.

Постель сладостных мечтаний

Снежинки и улыбки

Из снежинок глыбы льда
Вырастают постепенно,
Исчезают без следа
С потепленьем совершенно.

Из улыбок и цветов
Распускаются романы,
Замерзают от грехов
И циничного обмана.

Котёл абсурда

Всё сварится в котле абсурда,
Чего в него ни набросай:
Из пластика с бетоном юрта,
Курсовка в долгожданный рай,

Круг треугольный в позолоте,
Сухие лужи во дворе,
Завалы времени в цейтноте,
Кабан, застывший в янтаре,

Жизнь без единой лживой фразы,
Нажитый честно капитал,
Всем подходящие указы,
Военный мирный арсенал,

Чугунный лес, стальное небо,
Из ртути матовой река,
Кинжал – от ревности плацебо,
Любовь на вечные века.

Люди и толпа

Слово «люди» не очень-то ценится,
Дисконтирует страсти наш век.
Кто-то влюбится вдруг, кто-то женится,
Но земля не замедлит свой бег.

«Человек» звучит дешёво, мизерно,
В мире золота – ломаный грош.
Индивида желания бисерны,
Их рутина пускает под нож.

А вот слово «толпа» – восхитительно,
В нём природный безумный скандал,
С ним команды звучат повелительно
И растёт избирательный балл!

Пацифистское

Мир худой войною пахнет,
Арсенал дремотно чахнет,
Киснет в масле на складах
И мечтает о войсках,

Об атаках и победах,
Позабыв совсем о бедах,
Что баталии несут.
Битва может в пять минут

Всех на веки перессорить.
Лучше долго, нудно спорить —
Не в окопах, за столом, —
Чтобы друг не стал врагом.

Давят пороха избыток
И засилие агиток,
Масса грозного свинца.
Гонор пестует глупца.

Надо выхлоп арсенальный
Хлоркой вытравить банальной
Со складов и из мозгов,
Полных бряцанья штабов.

Аромат пусть кружит братства
И духовного богатства,
Чтобы мир весною пах
В благоденствия садах.

Батальная сцена

На картине вид батальный:
Блиндажи, окопов змеи,
Бой идёт принципиальный,
Ощетинились траншеи,

Бьют орудия прицельно,
Пушки, словно сигареты,
Дымом теплятся смертельно,
От стараний разогреты.

Осмотрел я поле битвы,
Пехотинцев в грязно-сером,
Почитал светло молитвы
И закрасил сцену мелом.

Эстафета

Призывно даль синела впереди,
Дорога представлялась бесконечной,
Теснились чувства светлые в груди.
Но жизнь сурова к юности беспечной.

Стрелой промчались в школе десять лет —
Задорные и искренние годы!
Для нас был двор – всемирный интернет,
На пирожки шли скромные доходы.

Потом борьба за средства и престиж...
Коровьим языком слизнуло время.
Стал филином когда-то шустрый стриж,
Познав проблем мучительное бремя.

Остановить течение нельзя,
Река бежит, потом впадает в Лету.
Уже мне не уместна роль ферзя,
Пусть внуки продолжают эстафету.

Что слетает с языка

Ты взгляни на эти руки —
Вот мозоль от турника.
Ты послушай эти звуки,
Что слетают с языка.

В них изящные восторги
Бьют литаврами побед,
Кружевные отговорки
От общенья тет-а-тет,

Обнажённые шептанья,
Придыхание в ночи,
Откровенные признанья,
Онеменья сургучи,

Колокольчики фальцета,
Всхлипы горестных обид,
Рифмы страстного памфлета,
Раздражения пластит,

Опьянения мычанье,
Молодецкий дерзкий свист,
Недовольное ворчанье,
Самохвальство: «Я артист!»),

Прозорливые сирены,
Обвинений грозных гром,
Позитивные рефрены,
Восхищение вином,

Седовласое пыхтенье,
Радостей интимных трель,
Краснощёкое смущенье,
Нецензурная шрапнель,

Бестолковой ссоры грохот,
Алчности манящий звон,
Беззаботный детский хохот,
Легкомысленный шансон,

Нестерпимой боли стоны,
Важного решенья дробь,
Неприличные жаргоны,
Удалой, хвастливый трёп,

Ярые призывы к битве,
Фейерверки озорства,
Покаянные молитвы
И прощальные слова.

Дупло воспоминаний

В моём дупле воспоминаний
Роятся пчёлы мелких бед.
Они свидетели страданий —
Где отроку добыть совет?

В нём белки первых строк лиричных —
Всегда я рыжих обожал,
Но после оргий эротичных
Частенько бурный ждал скандал.

Там совы муторных бессонниц
Пугают уханьем в ночи,
Прочь гонят трепетных поклонниц,
Молчанья плавают сургучи.

Клубками копошатся змеи
Сомнений, тягостных обид.
Лежат завалы ахинеи,
Проступков глупых свален стыд.

Бурундуки благих стремлений
Корпят там с ночи до утра.
Зарубки взлётов и падений
Покрыла быта мошкара.

А верховодит леший пьяный —
Певец, гуляка, балагур.
Скрывает смог годов туманный
Шлейф бесшабашных авантюр.

Тяжёлая болезнь

Моя любовь – тяжёлая болезнь.
Мне тошно одинокими ночами.
Жизнь тянется – степи унылой песнь —
Без вихрей счастья, страстного цунами.

Мигрень ошибок мучает подчас —
Не смог найти подхода к чаровнице,
Бежал за каждой юбкой, ловелас,
Не торопился, каверзный, жениться.

Мне кажется, я сильно близорук:
В дали годов не вижу облик милый,
Забыл про арабески нежных рук,
Склеротик недоделанный строптивый.

Видения преследуют меня,
Мерещится, что голос долгожданный,
Как прежде, разливается, звеня,
И завлекает кротостью обманной.

Сердечный ритм – без дерзких гистограмм
На клетчатой бумаге, словно в дымке.
Её портреты в спальне тут и там —
Моей любви рентгеновские снимки.

Глаз алкоголя

Хмель развёл в бокале плечи
И янтарный щурит глаз.
Догорают мерно свечи
Под журчанье нежных фраз.

Разрушая безразличие,
Бродит в венах алкоголь.
Ты, надев костюм приличья,
Исполняешь тонко роль

Покрасневшей недотроги,
Но грядёт желанный час.
На твои шальные ноги
Из фужера смотрит глаз.

Твой выбор

Сытость приносит тревоги,
Бедность покорна судьбе —
Не беспокоят залогов,
Если сиротско в избе.

Чахнет над золотом достаток:
Как сохранить капитал?
Бизнес непрочен и шаток,
Кризисы бьют наповал.

А бедолаге нет дела
До котировок валют —
Мизерны веши удела,
Скромн домашний уют.

Нет зато яростных срывов,
Нервных, бессонных ночей,
Страшных тревог рецидивов
Под наблюденьем врачей.

Любит спокойствие скудость,
Тихий, размеренный ритм,
Чужда ей жизни абсурдность,
Кротость – её алгоритм.

А толстосум постоянно
Хочет достать до небес,
Рядом с ним в жерле вулкана
Крутится алчности бес.

Нет безмятежного счастья,
Мним олимпийский покой.
Штиль – иль доходов ненастья?!
Выбор всегда за тобой!

Бутон души

С неосторожным любопытством
Он созерцал бутон души
И препарировал с бесстыдством,
Делил богатство на гроши.

Переживанья дней сопливых,
Лет конопатых кровотоков,
Боязнь плетей несправедливых,
Всегда развязанный шнурок...

Хранить не стоит хлам приватный —
Тетради, марки, дневники,
Весь этот мусор пубертатный —
Густым сединам вопреки.

Прогулки ночью под луною
И первый робкий поцелуй
Давно отжили, бог с тобою,
Очнись и больше не пасуй!

Благополучным был порою,
С фортуной ветреной на «ты»,
Легко командовал толпою,
Чурался наглой клеветы.

Что от империи осталось?
Где твой финансовый успех?
До жалкой кляксы дело сжалось,
В карманах множество прорех.

Влюблялся пылко, откровенно,
В надеждах долго пребывал,
Всё отдавал самозабвенно,
Но завершился страстный бал.

Быт – холостяцкая однушка,
Собранье брошенных вещей.
Не динамит ты, а хлопушка,
Забытый, брошенный кощей.

Не пригодился даже детям,
Хоть над пелёнками дрожал...
Рассеял память по кассетам
И смотришь, словно сериал.

Бутоны души завяли безвольно.
Он саркастично хохотал.
Чтоб нестерпимо стало больно,
Кромсал в аффекте гладь зеркал.

Терпеливый ростовщик

О, как легко ты лжёшь в лицо,
Меня терзаешь беспричинно.
Неправды горькое кольцо
Вокруг меня блестит картинно.

Сказала томно: «Извини,
Все эти дни полны работы.
Назавтра проводы родни —
Должны уехать до субботы.

Потом уборочный аврал —
Дом привести в порядок надо,
С глухой соседкою скандал,
Покраска старого фасада.

Скопилась уйма липких дел:
Поход к врачу, проблемы в школе.
Вновь сокращают мой отдел,
Все возмущаются: «Доколе!»

Приду к тебе со дня на день,
Вот только разгребу завалы».
Скользнула лёгкой грусти тень,
Как будто звякнули бокалы...

Ты – мой пожизненный должник,
В залоге дача и квартира.
Я кровь процентов пить привык
С азартом жадного вампира.

Подобие эфира

Распахну окно ночное,
Звёзд впитаю млечный свет,
Истребив в себе дурное,
Встречу ласковый рассвет.

Различу дыханье мира,
Пульс вселенной уловлю,
Став подобием эфира,
Расскажу, как всех люблю.

Порочные капризы

Поддаваясь порочным капризам,
Секс имел я по три раза в день,
По шалманам ходил и стриптизам —
Жизнь стрелой понеслась набекрень.

Я не слышал несмелых протестов,
Сладострастием полнились дни.
В результате проверенных тестов
У меня очень много родни.

Без сомнений

Нет обоснованных сомнений —
Всевышнего я прогневил.
И он меня без промедлений
Природной трезвости лишил.

Я вдруг решил: все люди братья,
Любой подставит мне плечо,
Последнюю рубаху, платье
Отдав, обнимет горячо.

Но это было заблужденье,
Вор нагло лез ко мне в карман
И, получая наслажденье,
Цедил сквозь зубы: «Ну болван!»

Я долго верил государству,
Считал – в делах мы заодно,
Забыв про царское коварство:
Для гневной власти все – говно.

Надеясь женщин осчастливить,
Хотел для каждой рай создать,
Но приходилось врать, фальшивить
И о других не вспоминать.

Надежду, веру и наивность
Закрыл надёжно на замок.
Мне помогают агрессивность,
Блуд, беспринципность и порок.

Мещане

Нет энергии успеха,
Сил для секса тоже нет.
Примитивная утеха —
Прикроватный интернет.

Развалившись на диване,
Посетить привычный чат,
Уточнить, о чём мещане
Между делом говорят.

Начитавшись свежих сплетен,
Перейти на сериал —
Так досуг вполне бюджетен,
Не транжирит капитал.

В соцсетях, как в океане:
То торнадо, то покой,
Пенятся шторма в стакане,
Фон буянит новостной,

Фото, видео завалы,
Блеск рекламы тут как тут,
Скалят зубы идеалы,
Слоганы бесстыдно лгут.

Беллетристику сменили
Смайлики во всей красе
И бескровно истребили
Дух романов, вкус эссе.

Всё обыденно и просто,
Отдыхает интеллект.
Время мелочных прохвостов
И разжёванных котлет.

Затёртая пастораль

Природа отступает, ангары маршируют,
В закатном дымном мареве краснеющая даль.
Строительные фирмы о планах рапортуют,
Стирают фуры грязные соляркой пастораль.

Бензиновые лужи, асфальтовые тропы,
Из смога ядовитого на небе облака.
Бульдозеры и краны – послушные холопы —
Медовую идиллию гнобят исподтишка.

Салатовая нежность сдала свои форпосты,
На марше сивость блеклая, стекла с бетоном рать.
Пни – словно обелиски, а вырубки – погосты.
Витает в душном мареве карбида благодать.

Травник

Травы все целебны без разбора.
Рву руками, пью душистый чай,
Собираю даже у забора
Сочный и цветущий урожай.

Зверобой, пахучая мелисса,
Пряная ромашка и чабрец,
Лепестки весеннего нарцисса
И кипрей – известный всем гордец.

Я сушу календулу, душицу,
В поле обрываю васильки,
Добавляю щедро медуницу
Хворям и болезням вопреки.

Не нужны пилюли и таблетки,
Ни к чему уколы, порошки —
Дал плоды шиповник у беседки,
Распушились мятою горшки.

Стратостат вольных дум

Ликёр

Ликёр из водки сделать просто:
Пол-литра, сахара сто грамм,
Лимона цедра... следом тосты
За мир, любовь, прелестных дам.

Потом тяжёлое похмелье
И сожалений ожерелье.

Заброшенная дача

Вот кровать с железной сеткой
На казарменный манер,
С пожелтевшей этикеткой;
Рядом скошенный торшер.

Как железный блин – рефлектор,
Что одаривал теплом,
С диафильмами проектор,
Разномастных тряпок ком.

Украшают быт чеканки,
Репродукции картин,
Самокат кургузый, санки,
Отслуживший ковролин.

Медиатор запылённый,
Заржавевший инструмент,
А санузел совмещённый
До сих пор хранит брезент.

Позаброшенная дача —
Детских лет моих удел, —
Словно загнанная кляча,
Оказалась не у дел.

Ностальгирую смиренно,
Проживая вновь года,
И смотрю, как двор надменно
Захватила резеда.

Мебельные мечты

Гардероб – не просто шкаф,
Жалюзи – не занавески.
Блюдо с множеством приправ —
Комната в гламурном блеске.

Элегантное трюмо
В зазеркалье приглашает:
Коль поставлено умно,
То пространство расширяет.

Шарм привносит шифоньер
С массой ящичков в глазницах,
Улучшает интерьер
И в альковах, и в светлицах.

Секретер – моя мечта
Для творений и досуга.
Если в доме теснота,
Лучше нет в работе друга.

Обожаю канапе,
Неподъёмные комоды.
Горки в вычурной резьбе —
Стиль вне времени и моды.

Оттоманку я желал,
Но дыра в моём бюджете.
О шезлонге помечтал
На скрипучем табурете.

Новостная диета

Не ем до завтрака конфет,
Не привлекает плотный ужин,
Обильный мне претит фуршет,
Привычный перекус не нужен.

Сейчас – стройна и хороша,
Подтянута, в прекрасной форме,
Не рвусь на кухню, мельтеша,
Давление и сахар в норме.

Чтоб сбросить вес, я семь диет,
Собравшись с духом, испытала.
Лишь хуже стал иммунитет,
И настроение пропало.

Но жизнь дала последний шанс
Презреть копчёности, варенье,
Забыть из канапе пасьянс
Знакомым всем на удивленье.

Открою вам секрет простой,
Доступен он любой простушке:
Фон помогает новостной,
Не клизмы с соком из петрушки.

Включаю радио с утра,
Известья слушаю лихие.
Прёт из динамиков хандра,
Изыски губит поварские.

От новостей меня тошнит,
Давно не пью, не ем в постели —
Событья глушат аппетит.
Пора на подиум, в модели!

На французский манер

Люблю сабли и божоле,
Ценю бургундское сухое.
Порой шалю навеселе
И пропиваю нажитое.

Я – прирождённый сомелье,
Во мне витает дух французский,
И мне приятней похмельё,
Чем гул в ушах с похмелья русский.

Исчезнувшие профессии

Была профессия лифтёр,
Играл тапёр в кинотеатре,
Актёрам нужен был суфлёр,
Скорняк шил шапки из ондатры.

Теперь другие времена,
И стало меньше романтизма.
Эргономична жизнь, скромна,
Цветёт эпоха прагматизма.

Не нужен людям водонос,
Пришли в негодность акведуки.
Прогресс отправил под откос
Извозчиков, пролёток звуки.

Давно фонарщик не у дел —
Век электричества в фаворе.
Пестрит вульгарный новодел,
Царит искусственность в декоре.

Подчас грущу о прожитом,
Хочу тряпичника услышать,
Как гикнет кучер за углом
И трубочист ворчит на крыше.

На тормозах

Круиз-контроль – игрушка слабых,
Кому неведом вкус дорог,
Кто утопает в криках бабьих,
Едва шагнув через порог.

Автопилот – мечта лентяев,
Умён с ним каждый лоботряс.
Он восхищает шалопаев,
Отлично выполнив приказ.

Безделье – антипод прогресса.
Пугает dalej бирюза,
Стезя падений, взлётов, стресса?
Тогда дави на тормоза!!!

Вера в чудеса

Нахальство незнакомо с пиететом,
Сколь пальцем у виска ты ни крути.
Для мудрого не стать авторитетом,
Коль лишь к рублям ведут твои пути.

Не знает страсть запретного «не надо»,
Безумством наполняя паруса.
Любовная взаимность – вот награда
Для тех, кто свято верит в чудеса.

Заговор рвачей

Я раскрываю заговор рвачей —
Златой телец над нами вместо солнца.
Он покори́л учёных и врачей,
Мы в лапах круглолицего червонца.

Сменил идеи наш безумный век,
Закрасив краской алчности духовность.
Раскинув сети ссуд и ипотек,
Рассудочная правит хладнокровность.

Не музыка приятна – звон монет,
Шуршание призывное банкноты.
Кому сегодня важен худсовет?
Знак доллара затмил живые ноты.

Творец в безумной гонке за рублём
Теряет краски, кисти и палитру.
Ему неведом искренний подъём,
Он отдаёт штамповки за пол-литру.

В капкане потребления гибнет ас,
На конкурсах – зловонные интриги.
В аренду бирже сдан святой Парнас.
В продаже золочёные вериги.

Шальная пуля любви

Я сказал не от души,
И случилось мне зардеться —
Попросил карандаши,
А хотел ключи от сердца.

Недотёпистый простак,
Я тушуюсь беспричинно.
Попадал не раз впросак —
Уморительно, картинно.

Снова каверзный облом —
Мну картонную коробку,
А мечтаю нагишом
Гладить розовую попку.

Вновь в судьбе не мой расклад —
Ты ушла с другим цинично.
Я в приливе эскапад
Бью себя самокритично.

Расчехлив карандаши,
Сердце со стрелой рисую.
Может, страсть мои пыжи
Перельёт в шальную пулю.

О России

Есть проливы и заливы,
Где китайцы терпеливы.
Очень близко – степи-долы,
Там господствуют монголы.

У России реки, горы,
Бесконечные просторы,
Постимперская гордыня
И для ворога дубина.

Дерзость и толпа

Меч достают не просто так,
Не из-за мелочных обид.
Не каждый мстить за честь мастак,
Пока не будет враг разбит.

Лишь дерзким путь пройти дано
С отвагой, брызжущей из глаз.
А вот толпа родит говно —
Со страха или напоказ.

Любовь по доверенности

У меня есть любовь по доверенности.
Я виновен в неожиданной беременности,
Целый день на работе юлою кручусь,
И в сомненьях ночных до рассвета верчусь.

Любовь по доверенности.
Я в полной растерянности,
Не знаю, что делать, как дальше мне быть,
Чтоб всем угодить и себя не забыть.

Отношенья цвели платонические,
Не терзали дела прозаические.
Впереди ждёт подгузников будничный марш,
Из пюре с детской кухни и памперсов фарш.

Любовь по доверенности.
Я в полной растерянности,
Не знаю, что делать, как дальше мне быть,
Чтоб всем угодить и себя не забыть.

Планы есть у страны галактические,
Марсианские вехи космические.
Я в отряд астронавтов легко затешусь,
В небо звёздных мечтаний навек унесусь.

Любовь по доверенности.
Я в полной растерянности,
Не знаю, что делать, как дальше мне быть...
По кольцам Сатурна я стану кружить.

Рать всепрощения

Память скачет галопом,
На душе моей штиль.
Я дебильным циклопом
Осушаю бутыль.

Вспоминаю раденья,
Бесконечный аврал,
Презираю сомненья,
Злых интриг сериал.

Годы стёрли терзанья,
Бесполезный напор,
Обнулили страданья,
Отменили фурор.

Стал спокойным, усталым.
Предо мной благодать,
Крест стремленьям удалым,
Всепрощения рать.

Апрельское похолодание

В апреле зиму не люблю,
Хозяйка холода достала.
Быстрее весну прийти молю,
Травы раскинуть покрывало,

Заполнить синюю гладь небес,
Включить сильнее щебет птичий,
Холодный фирна снять компресс,
А вьюги вой косноязычный

Сменить на ласку ветерка,
Что нежно ворошит ресницы.
Я показал исподтишка
Мясистый шиш седой царице.

О свиньях

Свинья не пускает к корыту,
Противен ей братский удел.
На страже пятак и копыта.
Любой попадёт под прицел,

Когда заподозрит вдруг хрюша
Намёк на стремленье к еде.
По виду она неуклюжа,
Но быть непременно беде.

Ты можешь петь песни толстушке —
Заливисто, как соловей.
Вот только уйди от кормушки,
На жрачку её не глазей!

Пустота и виват

Пустота моей души —
Шар в незримой оболочке —
В клетке рёберной, в тиши
Вяло бьётся в уголочке.

Тело – старый дирижабль,
Приземлённый на кровати.
Он обшивкой хил и дрябл,
С неполадкой в агрегате.

Думы – вольный стратостат,
Сбросивший балласт сомненья,
С ярким лозунгом: «Виват
Дерзким мыслям и свершеньям!»

Запчасти былой любви

Безумцы

Унесённые ветром,
Опалённые солнцем,
Освящённые кедром
На изломе эмоций.

Потерявшие счастье,
Проскользнувшее мимо,
Знали: это ненастье
Будет необратимо.

Пережившие страсти,
Обострённые чувства,
Мы любовь на запчасти
Разобрали в безумстве.

Спальня

Бездушен воздух этой спальни,
В ней постоянный полумрак.
Слова и ласки ритуальны,
Бессилен афродизиак.

Привычка дремлет на подушке,
Унынье прячется в углу,
Раздор храпит на раскладушке,
Крестом тень рамы на полу.

На тумбочках очки, таблетки
И аппликатор для спины.
Шкафы закрыты на секретки,
Они скелетами полны.

Река полночных дум

Мои стихи – из слов компот —
Перебродили в брагу,
Пою обильно от щедрот
Любителей ватагу.

Мои слова, как пузырьки
В шампанского бутылке,
Несутся наперегонки —
Легки, остры и пылки.

Моих полночных дум река
Чугунна и свинцова,
Она смердит издалека,
Мечтами нездорова.

На дыбе наслаждений

Хриплю на дыбе наслаждений,
Поправ святыя алтари.
В плену чертовских искушений
Мелькают шустро январь.

Азарт то теплится пассивно,
То разгорается огнём.
Веду игру интуитивно
Под жарким солнцем и дождём.

Часы бегут, петляют сутки,
Летят недели мишурой.
Мелькают смутно проститутки
И тают, словно снег весной.

Успех сменяет поражение,
Всегда есть повод взять стакан.
Мерзки, противны отраженья —
В трюмо то боров, то баран.

Спиртное льётся водопадом,
Бутылок марширует рать,
И кажется, зловонным адом
Меня уже не испугать.

В итоге протестует печень,
Прозя прервать неравный бой.
Я, понимая, что не вечен,
Бреду, поверженный, домой.

Но снова бес стучит по рёбрам,
Как будто это клавиборд.
В мгновенье я побрит и собран —
Звучит любви хмельной аккорд.

Цветут изысканные ласки,
Дымит безудержный разврат,
Блудливого порока маски
Идут в загуле нарасхват.

Оставлю ниву прегрешенья,
Пнув сладострастия гран-при.
Начну вымаливать прощенье
У белокрылого жюри.

Я живой

Пока гудят машины в спину,
Сигналят нервно на пути,
Я понимаю, что не сгину
И не протухну взаперти.

Пока меня везут трамваи,
Звонками радостно гремя,
Заходятся дворняги в лае,
Зло по-собачьему клеймя,

Кусают оводы у речки,
Пищат над ухом комары,
Сверчок старается у печки
Избавить в бурю от хандры,

Пока хоть кто-то помнит номер,
Звонит ночью мне порой,
Я понимаю, что не помер,
И ощущаю, что живой.

Неуставной день

По подстриженной салатовой траве
Совершаю променад на голове.
Пусть соседи обвиняют в шутовстве —
Масса запахов приятных в мураве.

Предо мной снуют букашки по листам,
Муравьи бегут гуськом по волосам.
Стал я ближе к распутившимся цветам
И, мне кажется, к парящим облакам.

Разливается приятный летний зной,
Трескотня цикад звучит наперебой.
У меня сегодня день неуставной —
Кверху пятками фланирую бухой.

Без иллюзий

Иллюзий нету, нет сомнений,
Я облапошен в первый раз —
За сонм доверчивых решений
Низвергнут грубо, напоказ.

Считал себя непобедимым
И умудрённым в мелочах,
Старался быть невозмутимым,
Не суетиться впопыхах.

Сопутствовал успех и слава,
В глазах завистников почёт,
Росла поклонников орава,
Карьеру ждал волшебный взлёт.

Жизнь расстилалась самобранкой,
Обильно благами даря.
Я был знаком с её изнанкой,
Сроднился с ролью главаря.

Смертельный грех – моя гордыня —
Однажды подло подвела.
Я думал, что создал твердыню,
Идут безоблачно дела.

Но всё накрылось медным тазом
В один кошмарный, скверный миг.
Я сглазил бизнес чёрным глазом,
Хвалясь, что многого достиг.

Порой удачи ослепляют,
Довольства шоры застят путь,
Чутьё бахвальство притупляет,
В силках бравады гибнет суть.

Не ясновидец – простофиля,
Не прорицатель, а глупец,
Герой дурного водевиля,
Самовлюблённейший слепец.

Стал мир бескрылым и бесцветным,
Уныньем – радостный подъём,
Блестящий облик – неприметным,
Дуб кряжистый – трухлявым пнём.

Простой

Встал завод стихолитейный,
Чистых рифм на складе нет,
В управленье дух портвейный
И заветренный фуршет.

Недостача аллегорий —
Броских, свежих, как заря,
Ярких жизненных историй,
Уносящих за моря.

Из-под строф пусты паллеты,
Ассонансы на нуле,
Прошлой радости буклеты
В винных пятнах на столе.

Словари лежат бездарно
В стопке, словно кирпичи.
Белые листы вульгарно
В чёрной смотрятся ночи.

Пропит дактиль и анапест,
Амфибрахий сдан в залог.
Пир был яр и разухабист,
В дело шли коньяк и грог.

Гонорар обмыт удаю
И растрочен на все сто.
Сколько б муза ни ворчала,
А в карманах решето.

За труды пора садиться,
Плавить вирши из слогов,
Чтоб сумел обогатиться
Почитатель пылких слов.

Сентиментальный охламон

Без сожалений, сантиментов
Покину этот бранный мир,
Объектом злых экспериментов
Был я – развенчанный кумир.

Меня сначала приручали,
Кормили ласково с руки.
Цинично позже предавали
Всем обращениям вопреки.

Я огрубел от вероломства
И закалился от измен,
Пятнал недавние знакомства,
Бездушный, словно манекен.

Искал повсюду дружбы крепкой,
Готовый жертвовать собой,
А плыл оторванной щепкой,
Гоним безликою толпой.

Ушла с годами толерантность,
Чужая не терзает боль,
Пропала светская галантность,
Стал верным другом алкоголь.

Всегда любил края родные,
Берёзок пегий хоровод,
Полей просторы вековые,
С голубизною небосвод.

Страна же мною помыкала,
Меня правила игры,
И постоянно отнимала
Труда законные дары.

Без романтических иллюзий
Я завершаю марафон,
Клиент психических контузий,
Сентиментальный охламон.

Счастливая косточка

Сливовая косточка в сжатой ладони —
Наивного счастья смешной талисман,
Подспорье для робкого парня-тихони,
Придуманный некогда самообман.

Он прячет глаза и не смотрит открыто,
За линзами пляшет растерянный взгляд,
В общении выглядит слишком забито,
Нелеп подростковый на вырост наряд.

Но косточка сможет помочь непременно,
Зажатая крепко в его кулаке.
Он верит в иллюзию самозабвенно,
Витая в мечтах на пустом чердаке.

Внутренний голос

Угрюмой злобою охвачен,
Я обвинял весь белый свет
В том, что жестоко одурачен,
Что меркнет блеск былых побед,

Засохли поросли успеха,
Удачи скуксились цветы,
Не накопленья, а потеха,
Сусеки девственно пусты.

Не интересен зрелым дамам
И слишком стар для юных дев,
Противен многодетным мамам:
Седой шакал – не гордый лев.

Друзья в заботах позабыли,
У всех проблемы и дела.
Мой телефон под слоем пыли,
В гостиной сумрачная мгла.

Претят амбиции супруги,
Отдачи нету от детей.
Пусты любовные потуги
В сетях смердящих ядом дней.

Охвачен злобою угрюмой,
Костил я весь подлунный свет.
Вдруг голос внутренний: «Подумай!
Открою маленький секрет.

Плодишь претензии напрасно,
Корить родных тебе не лень.
До неба выросла негласно
Обиды мученической тень.

Кто виноват в твоих просчётах,
Что ты излишне рисковал,
Погрыз в грубейших недочётах,
На осторожность наплевал.

Чем радовал подруг желанных?
В неделю скромных два часа
В объятьях пресных и спонтанных,
Без воспаренья в небеса?

Когда звонил друзьям сердечным
Поговорить начистоту?
Года спешат, они не вечны
И очень ценят теплоту.

Ты недоволен благоверной,
А что ты сделал для неё?
Раз в пятилетку – парфюмерный
Набор и тайское тряпье.

С детьми исчезло понимание,
Формальны темы для бесед?
Нужны им честность и внимание,
Не руководство, а совет!»

Вгляделся в зеркало тревожно,
Осмыслил горькие слова —
И опустилась безнадежно
Моя седая голова.

Шестидесятилетие

Я через пару лет старик —
Шестидесятилетие.

В душе звучит невольный крик,
А в речи – междометия.

Где детства ласковый апрель,
Беспечность юноликая,
Стать быстро взрослым самоцель,
Неугомонность дикая?

Где отрока худая тень,
Движения холерика?
Сейчас по форме я тюлень,
А в мыслях эзотерика.

Промчался быстро пубертат,
Закончились поллюции,
Сожжён объёмистый трактат
В поддержку проституции.

Куда подросток умахнул
От комплексов эдиповых?
Где обещаний страстных пул
И отношений липовых?

Уходят зрелые года
В достатке, без деменции.
Растёт рецептов череда,
Но падает потенция.

Всему отпущен в жизни срок,
Грядёт моё старение.
Эх, сохранить бы кровоток
И плотское влечение!

Пуля измены

Я умер в тот сумрачный день,
Когда ты надменно ушла.
Хоть не был по жизни кремень,
Смолчал, закусив удила.

Погиб я в тот памятный час,
Когда ты меня предала.
Костёр вдохновенья погас,
Спалив мою душу дотла.

Потом семенили года,
И тело щепкою несло,
Интимных побед череда
Цвела умерщвлению назло.

Но плоти так короток век,
Все ждут воскрешенья души.
Моя – свой закончила бег
В твоей хладнокровной тиши.

Я умер в злопамятный день,
Хотя не пришёл ещё срок.
Измены кровавая тень
Пустила мне пулю в висок.

Двойное назначение

Бомбоубежище – метро,
Оно же – транспорт городской.
Всё сочетается хитро
В структуре многоцелевой.

Мне нужен для уретры – кран,
Для наслаждений плотских – член.
Их слить – от Господа генплан.
Умножить на два – мой рефрен!

Мишура красивой лжи

Семейный тандем

Мы былую утратили лёгкость общенья,
Иногда я прошу, забываясь, прощенья, —
Не знаю, за что, почему и зачем.
Скрипит заунывно семейный тандем.
Проблемы спускаются на тормозах,
Влечения цепь в суете заржавела,
Каретка любви от обид захрустела,
Мы катим под гору. От скорости – страх.
Ласки бурные стали б спасительной смазкой,
Но застыло лицо твоё хмурою маской,
Когда я пытаюсь наладить мосты.
Хиреют потуги в силках духоты.
Страстей обода по обочине трут,
Похоже, давление в шинах пропало.
Мы ждём обречённо симпатий финала
И, бросив педали, кончаем маршрут.

Вода монологов

Я поливаю водой монологов
Кусты моего одиночества.
Дружба подростков цвела без прологов,
Визиток, смартфонов и отчества.
Не мог я остаться в тихой квартире,
Даже с любимой зачитанной книгой,
Следить за закрученной лихо интригой
И видеть себя в хитроумном кумире
Три-четыре спокойных часа.
Звали на улицу голоса,
Отношения тайны, чужие миры,
Придыхание счастья и блеск мишуры.

Странно мои изменились желанья,
Время прошло ночных диалогов.
В кактусы скуksились переживанья.
Дома остаться – масса предлогов.
В паутиненной комнате скрыться,
Где больше не тикают громко часы,
А книги затыканы в полки-пазы,
Где можно подолгу читать и не бриться,
Самокрутки бывшего курить,
Ностальгии вытягивать нить,
Проходить триумфально непройденный путь,
В штофе боли топить осознания суть.

Детский мат

Жизнь – как шахматный турнир.
Я играл самозабвенно,
Спорил с каждым из задир,
Рвался к славе вожаденно,

Комбинировал хитро,
Проводил атаки смело,
Беспринципность и добро
Сочетал в делах умело.

Много партий свёл вничью,
Смог уйти от поражений.
Сто победных интервью
Дал, не ведая падений.

Вёл гроссмейстером себя:
Гордо и самолюбиво.
Не претила мне гульба,
Взгляд искрился похотливо.

Пред тобой не устоял,
Обмишурился масштабно:
Честь и гордость проиграл
Подчистую я внезапно.

Умолял мою статью,
Обещал златые горы,
Проявлял кураж и статью,
Страстно вёл переговоры.

Разыграл крутой гамбит,
Всё пожертвовал, что можно.
Но отвержен и разбит,
Брошен прозябать безбожно.

Жаль, красивый был дебют.
Мы – король и королева.
Только громкий смолк салют —
Ход ты сделала налево.

Налицо дурной цугцванг:
Придушить, вернуть, смириться?
Боль – зловерный бумеранг —
Непременно возвратится.

Минул слёзный миттельшпиль,
Предвещающая катастрофу.
Заточив любовь в бутылку,
Я собрался на голгофу.

Эндшпиль близится пустой
С серым скарёдным закатом.
Ты, мой ферзь, всему виной.
Я обыгран «детским матом».

Ярый озорник

Когда в душе тоскливо и темно,
Не видно звёзд любви и примиренья,
Ночами душат подлые сомненья,
Допито животворное вино,

Влетает ветер – ярый озорник,
Листою обрывает серость будней.
Противник мокрой ваты, жирных студней,
Свободы и раздолья баловник.

Он мнёт судьбы затёртое меню,
Сдирает одеянья с мирозданья
И оставляет голые познания,
Суть жизни в первозданном стиле ню.

Любовный коктейль

Мы с тобою друг друга любили
И коктейль вождления взбили.
Он в тебе – нашей страсти букет,
Как элитное в бочке вино.

Мне его пригубить суждено
И продлить сексуальный фуршет,
Чтоб остался твой вкус после встречи.
Пусть сгорят быстротечные свечи,

На губах он пребудет моих,
Станет мысли терзать эротично,
Возносить в облака феерично
Нас – счастливых, желанных, нагих.

Безнадежье

Ты сначала была откровенна,
Словно голый листок на ветру,
Но врала потом самозабвенно,
Лжи красивой плодя мишуру.
На лукавство сменив прямоту,
Ты открыла окно в пустоту.

Семена проросли недоверья,
Поднялась безнадежья трава.
Дали всходы дурные поверья.
Камертоном звучали слова
О другом бесшабашном пути,
Не с любовью вдвоём взаперти.

Сладкая власть

Меня ты влечёшь, как гигантский магнит.
К тебе устремляюсь заржавленной скрепкой,
Лечу по волнам неприкаянной щепкой,
А сердце то ноет, то жалко саднит.
Привыкнуть никак не могу столько лет,
Себе самому дать достойный ответ:

Откуда такая безумная страсть?
Она поглощает меня днём и ночью,
Порой сновиденья рвёт зыбкие в клочья,
Имеет безмерную сладкую власть.
Но ты, понимая победу свою,
Порой уступаешь в постельном бою.

Карнавал жизни

Я знаю, что ты мне предрешена
Непостижимо, больно и фатально.
В пороках, прегрешеньях прощена.
Преобразилась вдруг феноменально:

Из дерзкой стала ласковой душой,
Меня стараясь сделать явно лучше,
Подвигла не миндальничать с нуждой,
Есть научила мидии и суши.

Два года – и неожиданный поворот.
Ты закружилась в вихре наслажденья,
Втянул в себя страстей водоворот,
Смешав признанья, близость, откровенья.

Затем череда чудных метаморфоз —
Ты появилась в образе Мадонны,
Пройдя достойно жуткий токсикоз
И ночи, что тревожны и бессонны.

Вновь трансформаций кардинальных пул.
Раскрыла крылья курица-удача.
Забыт когда-то радостный загул,
В фаворе инвестиции, отдача.

Меняет маски жизни карнавал,
Тебе достались радужные роли.
Я был сражён тобою наповал
И не лечусь от этой сладкой боли.

Ядовитый май

Я начинаю путать окончанья,
Порою забываю падежи —
Прошедшего тревожат миражи,
Терзают по ночам воспоминанья,
Мне чудится твой голос, придыханье.
Я чувствую на коже чертежи:
Ты выводить любила их в постели,
А кульманом была моя спина.
Её полосовала докрасна
Ты острым ногтем в марте и апреле.
Привыкли к нашим оргиям отели.
Стыдливо отходя от полусна,
Они беззвучно двери прикрывали
И окна затемняли впопыхах,
Нас уличали в сладостных грехах,
Но не читали нудные морали.
Смущали их нескромные детали —
Ты позволяла многое впотьмах
И отличалась дерзостью открытой,
С ухмылкой провоцируя меня.
Я испугался твоего огня,
Гордынею порочною набитый.
Цветущий май гадюкой ядовитой
Впивался, за растерянность казня.

Губы

Губы способны быть нежным цветком,
Могут свернуться тончайшею трубочкой,
Громко свистеть залихватскою дудочкой,
Молвить сквозь зубы приватным тишком,
Вмиг обратиться кричащим кольцом,
Развеселить легковесною шуточкой.

В пик вожделенья любовью дарить,
Распространяя флюиды желания,
То прерывать, то транжирить дыхание,
Рвать и сплетать судьбоносную нить,
Жалить пчелою, по телу парить,
Выдать эмоциям ассигнование.

В торосах постели

Простыни сбиты в кровати подобьем торосов,
Пара пуховых подушек – объёмные глыбы.
Мы – корабли, нас сковала зима без вопросов,
В море любви мы дрейфуем. А сонные рыбы —
Это два чёрных смартфона, мигающих рядом:
Мы отключили и звук, и вибрацию вместе.
Я упиваюсь твоим восхитительным взглядом:
Так же сияют глаза у счастливой невесты.
Гладь одеяла белеет безмолвьем холодным,
Слов нам не надо, мы крепко прижаты бортами.
Вместо признаний – сплетение взоров голодных,
А насладившись, мы трёмся порою кормами
И умоляем, чтоб дольше нас льды зажимали
Да преграждали дорогу лихие метели.
Мы не хотим, чтобы нас из полона спасали —
Страстно зимовку проводим в торосах постели.

Погрузневший адмирал

На востоке нежным цветом разгорается заря,
Город вялый, полусонный поднимает якоря.
Лодки – шустрые машины, а трамваи-корабли
По делам и на работу потихоньку погребли.
Перископ подводной лодки – это выход из метро,
В первых ранних, робких бликах улыбается хитро.
Я из рубки капитана наблюдаю свысока:
Пешеходами-пловцами заполняется река.
Не хожу давно я в рейсы, погрузневший адмирал,
У окна стою беспечно, уносясь легко в астрал.
Позади перипетии, отправлений суета,
Со швартовкою проблемы, с такелажем маета.
Быстротечные романы, страсти северных морей
Наложили отпечаток – сединой блестят моей.
Знал я сдержанность блондинок и красоток южных пыл,
В многомесячных походах увлекался и кутил.
Поостыл, остепенился, шебутную вахту сдал,
Тихим утром на рассвете открывается портал —
Уношусь в хмельные дали, вспоминаю шумный круг
Дружной слаженной команды, романтических подруг.
Навигация в разгаре – смог плывёт со всех сторон.
Капитанский пост пустеет, мой проржавленный балкон.

В чужом саду

Гуляю мыслями по чуждому мне саду,
Тебе с другим там нестерпимо хорошо.
Я добровольно снял любовную осаду.
Не состоявшись, время близости прошло,
Мне подарив вкус одиночества в награду,
На подоконнике с бегонией кашпо

И бесконечное течение размышлений,
Несущих в прошлое противною рекой.
«Начать всё снова?» – суть бессмысленных сомнений,
В ночи звучащих камертоном за стеной
И раздувающих уголья подозрений,
Огонь желания вновь встретиться с тобой,

Осыпать нежно лепестками комплиментов,
Обдать чарующим парфюмом добрых слов,
Вернуть слезливую безгрешность сантиментов,
Легко растрогав... посадить вдруг под засов,
Чтоб не плодила ты на руку претендентов.
Я – раб и господин твоих счастливых снов.

Влюбчивый

От любви до любви – только шаг,
Меня щепкою носит безвольной.
Месяц с дамой гулял хлебосольной.
Увлекла меня после завмаг:
Привечала в постели фривольной,
Обучала – куда, что и как.

Мы расстались. Я полон был сил,
Возбуждающих знаний кипучих,
Безотвязных стремлений липучих,
На плейбоя вполне походил,
Выделялся среди граждан снующих,
Залихватски интрижки крутил.

Полыхал за романом роман.
Соблазнила дородная Катя.
Истощился, энергию тратя,
Отупел, как последний болван,
Потому что с утра, на закате
Я батрачил, постельный титан.

Вдруг нашёл идеал красоты,
Пел признанья в ночи вдохновенно,
Унижался в ногах вождественно,
Но сожгла она быстро мосты,

Объяснив наш раздор откровенно:

«Слишком влюбчивый, миленький, ты!»

Балагур

Я делаю зарядку по утрам,
Чтоб выглядеть в постели эротично,
В компаниях смотреться эстетично
На фоне возрастных обрюзгших дам,
Шокировать нимфеток сединой,
Коричневой накачанной спиной,

Не сгорбленной годами и трудом,
А глянцевой от крема и загара.
Изображаю бравого гусара,
Стремясь к заветной цели напролом,
Не замечая терний и преград,
Клеветников язвительных тирад,

Которые порой летят вослед.
Завистники им вторят громогласно,
Мол, напрягаться с возрастом опасно,
Смотрите, что творит под старость дед,
Себя транжиря с юными зазря.
На злые сплетни с юмором смотря,

Темп жизни не снижаю озорной.
Взмывают шуток яркие петарды.
Я, променяв на дискотеки нарды,
От боли маюсь, крашенный плейбой,

В сетях рассвета, но потом опять
Готов кутить и дурочку валять.

Для балагурства множество причин.
Оно не пахнет приторно аптекой,
Пропыленной пустой библиотекой,
Выбрасывает в кровь серотонин.
Пока кудесит афродизиак,
Не нужен прикроватный аммиак.

Пожарник

Она обожгла меня пламенем —
Дыханьем прерывистым, жарким.
Смущённым я выглядел, жалким
Под рыжим трепещущим знаменем
Её бесподобных волос.
Возник осторожный вопрос:

Что делать с крутым темпераментом,
В любую минуту готовым
Спалить огнедышащим словом?
Её не остудишь регламентом.
Возможно с ней только гореть
И в грешном пыли умереть

От пышущих углей желания,
Которые страсть раздувает,
Приличия рамок не знает
В искристом потоке сознания
И ревностном едком дыму.
Сквозь пляшущих дум бахрому

Мне чудились свечи, паяльники,
Обугленный остов квартиры,
Блестящие каски, мундиры.
Решил я податься в пожарники,

Спасать род заблудший людской
От страшной любви огневой.

Признанный гений

Возношу восхваления Богу,
Что я встретил тебя на пути.
Без тебя, дорогая, дорога
То плелась, то петляла убого.
Изнывала судьба взаперти.
У чужого скулила порога,

Пред закрытыми плотно дверями,
И царапала когти о них.
Депрессивно-тягучими днями
Одаряла бездомных рублями,
Получала порою под дых.
Удивлённо играла бровями,

Обсуждая прокол и ошибку,
Первый плохо продуманный шаг.
Убирала в загашник улыбку,
Понимая, что первую скрипку
Не сыграть в этой жизни никак,
Ведь признание непрочно и зыбко.

Ты избавить смогла от сомнений,
Пробудить поэтический пыл.
Я расстался с чередой поражений,
Сбросил тяжкий балласт унижений,

Вдохновенно, азартно творил,
Лишь тобою оцененный гений.

Самосожжение

Да, я научился в последнее время
Не грезить тобой, не страдать по ночам,
Предаться житейским простым мелочам,
Отбросив вопросов ненужное бремя,
Оставить дотошные самокопанья,
Сковать крепко-накрепко переживанья.

И я разучился, как это ни странно,
На зов беспокойной стрелюю лететь.
Не будет любовной контузии впредь!
Нет места страстям – ведь душа бездыханна,
Зажата обидой в тисках поражения,
Ведущего мысленно к самосожженью.

Игра в правду

Игра наша «в правду» закончилась плохо,
Как будто сначала отрезали ухо,
Потом сапогом зарядили под брюхо...
Не ждал я, признаться, такого подвоха.
Болят нестерпимо, не сделать и вдоха...
Оставила шрам навсегда «развлекуха» —

Глубокий, извилистый, словно гадюка,
Защитый небрежно хирургом с похмелья.
Ответы лишили бывшего веселья,
Раскинула неводы ревность-подлюка.
Она оказалась едка, длиннорука,
Бездонна, безвыходна – мрак подземелья,

Хранящего в чреве недобрые думы.
Растут они быстро, как мёрзлая глыба.
Хрустит откровений коварная дыба.
Крушенье! Я заперт в заброшенном трюме,
Безвольно вишу в паутине раздумий.
И всё же за горькую правду спасибо.

Значимая величина

Светлы при рождении наши глаза,
Уходим мы с карими – молча и хмуро.
Уже не сдают по ночам тормоза,
Поскольку забыта давно увертюра,
Засалены с постеров див образа,
Пестрит арабесками слов рецептура.

Вначале мы рады увидеть чужих,
Готовы к любому залезть на колени,
Потом игнорируем даже родных,
Скользим по квартире, печальные тени.
Боль, горечь, тоска составляют триптих,
Евангелие от врачей – бюллетени.

На первых порах мы болтаем легко,
Рекой полноводной текут разговоры,
Беседы уносят порой далеко,
Не зная преград и минуя заторы.
Когда же брюшко раздувает трико,
Молчим о делах, словно жалкие воры.

От старта до финиша путь непростой —
Меняются облик, привычки и нравы,
На место задора приходит застой,
И дети на фото не так моложавы.

Остаться бы значимой величиной...

Разбиться в болиде в объездах шалавы.

Предвкушение

Свекла, орехи и гранат —
Здоровой жизни я фанат.
Гранаты, свёкла и орехи —
Вы так важны в моём успехе.

Гранат, орехи и свекла —
Чтоб кровь неистово текла.
Я шёл по рынку, предвкушая,
Бочонок пива обнимая.

Каталог виртуальных достижений

Восточная ночь

Муэдзин вещает громко с минарета,
Заунывно разлетаются слова.
На востоке ночь изысканна, прогрета,
Страшных тайн полна, любви и колдовства.

Показаться может, лампу Аладдина
Разглядеть легко в навязчивой пыли,
В древней лавке средь старья и нафталина
Отыскать ковёр, несущий от земли.

Вызвать джинна, потеряв ладонью нежно
Потемневший, поцарапанный металл,
Диктовать ему желания прилежно,
Долго так, чтоб бесконечен был финал.

Развалиться на колючем покрывале,
Созерцая купол неба над собой.
Фантазировать о мести и кинжале,
Наслаждаясь благодатною судьбой.

Фотошоп для судьбы

Мне фотошоп потребен для судьбы:
Раскрасить поседевшие мгновенья...
Безликие, пустые дни рожденья
Представить в окружении гурьбы
Надёжных и отзывчивых друзей,
Готовых мне подставить твёрдый локоть,
Не тосковать, запретных тем не трогать,
А делать нашу встречу веселей,
Из прошлого курьёзные дела
Вылавливая сетью ностальгии:
Мы проходили все перипетии,
Когда сентиментальность в нас жила.
Конечно, увеличить в сотню раз
Побед интимных список донжуанский,
Добавить яркий след заокеанский
И парочку изысканных проказ,
Чтоб выглядел брутальней я, смелей
И восхищаться можно было мною,
Завидной плодовитостью мужскою:
Мол, самый сексуальный из мужей.
Мне надо приукрасить скромный быт
И каталог успехов виртуальный,
Чтоб было видно – парень гениальный,
В любом пари, бесспорно, победит,
Поскольку эрудирован, хитрец,

А в споре зол, как сто чертей и боле,
Распространяет знаний биополе,
Известный всем науки чистой жрец.
Жизнь подрумянить, благо приплести,
Придумать небывалые любви...
Пусть сплетники завидуют: доколе
Счастливцу будет сказочно везти?!

Беспощадный приговор

В пыли годов тускнеет блеск идей,
Отложенных зачем-то и когда-то.
Судьба-река бежит витиевато
В кругу бездарных мартов, февралей.
Несут они рутину день за днём,
Обыденность рождают ежечасно.
Их заурядность серая опасна
В стране, где за паденьем – не подъём,
А вновь упадок, но ещё сильнее,
Всё глубже в пропасть липкой бытовухи.
Задумки прозябают в дебрях скуки,
Мерцает тусклой надписью дисплей:
«Гейм овер», – беспощадный приговор.
Нет сил и средств на счастье-адвоката.
«Бездарность – за апатию расплата», —
Итог подводит фатум-прокурор.

Белая вспышка

Детство золотое, желторотое,
В позитивных ярких, солнечных тонах,
Грустное, смешное, безбородое,
Не погрязшее в пороках и грехах.
Юность восхитительно-зелёная,
В романтических салатовых мечтах,
Предвкушений полная, смыслёная,
С неизбывною влюблённостью в глазах.
Зрелость тёмно-красная с оранжевым —
Самый спелый плод в изысканном соку,
Бытом похваляется налаженным,
Смело хлопает себя по кошельку.
Старость изобилует оттенками,
Доминируют коричные тона,
Мудростью полна, переоценками,
Седине карт-бланш вручает рыжина.
Кончится палитра белой вспышкой
И тяжёлой свежевскопанной землёй,
Вечною от жизни передышкой,
Отлетевшей в небо трепетной душой.

Под луной

В пигментных пятнах Луна-старуха
Висит над морем и щурит глаз,
Плеск волн приятен в тиши для слуха,
Закончен пятый – ночной – намаз.

Копьём вздымаясь, пик минарета
Направлен гордо в живот небес...
Вот так же в космос глядит ракета,
Дрожит на старте и ждёт чудес.

Море-небо

Южный город пахнет морем,
Море пахнет бирюзой,
Бирюза за плоскогорьем
Обрастает синевою,

С ней сливаясь добровольно,
Где гуляют волны-цепи.
Как хотелось бы привольно,
Прыгнув в море, выплыть в небе.

Фотоальбом

Впечатления хранятся по альбомам,
Бестолково в них пылятся много лет,
Изумляют накопившимся объёмом,
Постепенно переходят в интернет.

Чёрно-белые слепые фотоснимки
Уступают место глянцевой красе,
Первый опыт репортёра в белой дымке
Продолжают фото с моря в бирюзе.

Поляроида секундные творенья
Через годы так наивны и смешны,
Возвращают позабытые мгновенья,
Хоть и резкости привычной лишены.

Цифровая эра крайне прагматична,
Проявитель с закрепителем – отстой,
Глянцеватель с красной лампой архаичны,
Виртуальной стала связь, беспроводной.

Где-то серверы хранят мои работы,
Обратив их в единицы и нули,
Меньше пыли, с содержанием заботы —
Измененья динамизмом увлекли.

Но клюёт порою птица-ностальгия:
Я, раскрыв потёртый старенький альбом,
Ощущаю от бумаги эйфорию,
Окунувшись в детство светлое тайком.

Хлопочущий рэп

Часы расползаются, как тараканы,
Недели спуют, словно мыши в норе,
Потоком струятся минут караваны,
Год сжался до нескольких дней в декабре.

Мгновенье – нет месяца, миг – нет второго,
Гирлянды убрал – впору вновь доставать:
Стремительность в образе злого портного
Калечит безжалостно времени стать.

Кромсает кварталы, корнает сезоны,
Сдаёт мимолётные сутки в утиль,
С ухмылкой транжирит секунд легионы,
Сжигает усиленно жизни фитиль.

А десятилетия в ускоренном темпе
Мелькают, теряя заносчивый нрав.
Поэзию счастья в хлопочущем рэпе
Нельзя отыскать, пролетая стремглав.

Семейный архив

Мало было у дедушки фото:
Школа, армия, загс и роддом.
Всё в альбомчике без переплёта
С нарисованным жёлтым цветком.

Подарил он «Зенит» сыну в школе,
И завидовал парню весь класс.
Позабыли друзья о футболе,
В темноте с красной лампой теснясь.

Замелькали на снимках подружки,
Непоседливых дней чехарда,
Возлиянья, пузатые кружки
И дворовая белиберда.

Проявитель, фиксаж, закрепитель,
Длинношейей штатив, негатив...
Дед был первый заслуженный зритель,
Создавался семейный архив.

Пухли пачки, теснились альбомы,
Нарушался привычный покой,
Хоть убогими были хоромы —
В ателье превращались порой.

Здесь печатали и глянцева­ли,
В ванной шли косяки фото-рыб,
Щурясь, слайды на свет изучали,
Исторгали восторженный хрип.

...Внук смартфоном владеет прилично,
Собирает сто лайков за час,
Он с трёх камер снимает отлично —
Утром, вечером, в профиль, в анфас.

Интернет, словно кит, поглощает
Фотографий безмозглый планктон,
Ретушировать их помогает,
Отправлять адресатам вдогон

Сообщеньям, коротким предельно.
Сеть плодит бесконечный контент.
Внук фиксирует встречи бесцельно,
Каждый мелкий ничтожный момент.

Плодовит сорванец несказанно,
Терабайты творений пестрят.
Он на клавиши жмёт беспрестанно,
Верит – фото пойдут нарасхват.

Дед остался вдовцом, к сожаленью,
Но под сердца прерывистый стук,
Взяв альбом, смотрит счастья мгновенья.
Что припомнит на склоне лет внук?

Спор с альтер эго

Он – про деньги, я – про душу,
Спорим грубо много лет.
Он корит, что часто трушу,
У меня готов ответ:
Мол, излишне толерантен,
Принимаю всё как есть,
Хоть порой экстравагантен,
Берегу от грязи честь.
Он твердит, что чести мало,
В жизни важен капитал,
Чтоб валютою сияло
В отражении зеркал:
«Поменяй мечты на евро,
Опустись быстрее с небес,
В ожидании шедевра
Зря разводишь политес.
Тратишь время бестолково,
Мимо рук текут рубли,
Разоришься стопудово!
Вдохновенья корабли
Приведут тебя на мели,
Загрустишь ты на мели,
Импозантные модели
Будут видеться вдали.
А вокруг тоска и скука,

И сплошная нищета,
Прокормиться рифмой – мука,
Не поможет доброта
В пополнении бюджета,
Бизнес – главный из искусств.
Написание памфлета
Без монет наводит грусть!»
Возражал я: «А идеи,
Устремленье к небесам,
Вернисажи, галереи...»
«”Три семёрки” и “Агдам”», —
Он прервал бесцеремонно,
Поднеся к губам стакан.
Я задумался. Резонно
Рассуждает хитрован.
Пил рассвет туман из блюда,
Завершала диспут ночь.
Походил я на безумца,
Спорить сам с собой не прочь.

Семь раз отмерь

Решения я принимал наобум,
Считая – нет смысла транжирить мгновенья,
В раздумьях протяжных был зол и угрюм,
Стремительно действовал, без сожаленья.

Отмерить семь раз – утомительный труд.
Холерик во мне бунтовал постоянно:
«Немедля отрежь, канитель – для зануд!»
Под этим девизом я спёкся нежданно.

Супружницу выбрал себе на глазок,
Нахально окинув поверхностным взором
(Торчал из-под блузки призывно сосок).
Семейная жизнь завершилась позором.

Мотала судьба по огромной стране.
Долги – и ребята – росли снежным комом.
Отдал я квартиру и дачу жене,
Увлёкся текилою, вермутом, ромом.

Откуда-то множество взялось детей,
Мне кажется, что сорванцов – штук двенадцать.
В итоге был выгнан из дома взашей,
Пришлось по друзьям и вокзалам скитаться.

Зелёного змия сумел одолеть,
Жаль, что потерял всю недвижимость вкупе.
Имею работу, приличную снедь,
Живу в холостяцкой бетонной халупе.

Теперь я всё меряю семь-восемь раз —
Наслышан о женских губительных чарах!
Важнее душа, а не блеск хитрых глаз.
Влекущий сосок снится ночью в кошмарах.